

Русская литература сквозь призму китайской культуры

За последние тридцать с лишним лет в России появилось большое количество художественных произведений, авторы которых в той или иной степени испытали влияние китайской культуры.

Данное явление имеет давнюю традицию: к примерам Китая обращались в своих произведениях русские писатели еще XVIII в. Достаточно назвать «Письмо о пользе стекла» (1752) Михаила Ломоносова с его указанием на искусство китайского фарфора [4, с. 236] или «Памятник герою» (1791) Гавриила Державина с упоминанием Музы «строгого Кунгдзая (здесь имеется в виду — Конфуция. — Я. Л.)» [2, с. 174]. Возможно, на русских писателей XVIII в. оказало влияние уважение к Конфуцию со стороны французских просветителей. Вот как это звучит в «Песни исторической» (1802) Александра Радищева:

Конфуций, о муж дивный,
Твое слово лучезарно
В среде страшной бури, браней,
На развалинах отчизны
Восседадо всегда в блеске,
И чрез целые столетья
Во парении высоком
Возносилось и летало...

[6, с. 76–77]

Но обратимся к основному предмету нашего разговора.

С начала 1980-х гг. в русской художественной литературе достаточно частым стало появление реальных, невымышленных персонажей-китайцев. Описание внутреннего мира и переживаний этих героев удостоивается особого внимания авторов, которые, в свою очередь, демонстрируют глубокое понимание китайской культуры и философии. Так, например, главное действующее лицо повести «Путник со свечой» В. Варжапетяна — великий поэт Ли Бо, который из камеры смертников пишет письмо сыну, вспоминая всю свою прошлую жизнь. Заточение Ли Бо, участвовавшего в заговоре против императора, — реальный факт его биографии; назначенный ему изначально смертный приговор был заменен ссылкой, а позже в итоге — полным помилованием. Главным содержанием произведения Варжапетяна является отражение внутреннего мира Ли Бо, который, подводя жизненные итоги, осмысливает свое предназначение поэта и патриота [1, с. 9–90].

На анализе личных переживаний Ли Бо построен и рассказ С. Торопцева «Возвращение к Великой Белизне» [7, с. 196–207]. В обоих произведениях монологи героя включают строки из его стихов, цитаты из древнекитайских философских и исторических произведений — «Чжуан-цзы», «Исторических записок»

Сыма Цяня, «Книги перемен», «Сунь-цзы», «Дао дэ цзина» Лао-цзы. В них Ли Бо пытается найти рациональное обоснование своим поступкам, на которые его толкала романтическая природа его натуры. Это противоречие — между практическими требованиями реальной жизни и поэтическим складом собственной души — противоречие, которое Ли Бо безуспешно пытается разрешить, очевидно, очень близко современному русскому писателю, потому и заставляет обращаться к биографии великого китайского поэта. С выражением этого же противоречия, по-видимому, связан художественный прием сочетания реальных фактов с волшебством, вымыслом, к которому прибегает С. Торопцев, описывая уход из жизни Ли Бо: старый, утомленный судьбой поэт, сидя в лодке, увидел, как

...две фигуры в радужных одеждах... возникли из тьмы инобытия в колеснице из пяти облаков, сопровождаемые Белым Драконом, они пригласили Ли Бо присоединиться к ним, чудище пошевелило хвостом, раздвигая облака, и помчало Ли Бо вверх, будто на высокую гору, туда, где торжественно распался, слепя земные глаза, невыносимый свет Великой Белизны [7, с. 207].

Наряду с этим в современной русской литературе действуют и героини-китайцы, имеющие вымышленный, сказочный характер. Как персонажи притчи, рассказанной одним из героев, выступают они в романе Фазиля Искандера «Сандро из Чегема». Узнав, что Большеусый убил царя Николая вместе с женой и детьми, китайский царь передал, что не будет больше поить русских чаем. Попытка Большеусого показать китайскому посланнику переодетого чекиста вместо царя Николая была раскрыта, от взятки посланник отказался, заявив, что «китайцы взятку не берут», убить его также не получилось. И в итоге «мудрый китайский царь» провел самого Большеусого, отказался «поить русских чаем», после чего «решил Большеусый разводить чай на нашей земле, чтобы от китайцев больше не зависеть» [3, с. 307–312].

Политическая сатира составляет основное содержание и рассказа Виктора Пелевина «СССР Тайшоу Чжуань», в подзаголовке которого указано: «Китайская народная сказка». Герою рассказа крестьянину Чжану Седьмому приснилось, будто Сын Хлеба, повелитель «далекой земли СССР», прослышав о его «талантах и справедливости», пригласил его к себе и пожаловал высокую должность. Чжан получил имя Иван Семенович Колбасный и «в восемнадцатом году правления под девизом “Эффективность и качество”... стал важным чиновником в стране СССР». Потом он набрал силу, сделался наместником Москвы, а потом и всевластным правителем СССР, но спустя одиннадцать лет его сняли со всех постов, «связали по рукам и ногам и бросили в машину. Дальше все было как обычно — отвезли его в Китайский проезд, остановились прямо посередине дороги, открыли люк в асфальте и кинули туда вниз головой». Когда Чжан очнулся, он увидел себя дома, в знакомом амбаре на полу. Позже, вспоминая этот сон, он не мог понять, какая часть его жизни является более реальной — проведенная в Китае или в СССР [5, с. 21–38]. Сюжет данного рассказа, восходящий к известной притче о Чжуанцзы, который во сне увидел себя бабочкой, заимствован из новеллы

Ли Гунцзо (ок. 763–850?) «Нанькэ тайшоу чжуань» («Жизнеописание наместника Нанькэ»): герою новеллы приснилось, что он получил высокую должность *тайшоу* — наместника, но все мгновенно потерял проснувшись. В рассказе Пелевина использованы повествовательные приемы, характерные для китайской литературы, — внимание к событийной линии повествования, а не к внутренним переживаниям героев, многосюжетные композиции и др.

Интересным, на наш взгляд, явлением стали произведения исторической фантастики, в которых получили необычное преломление факты истории Китая. За последние годы было опубликовано несколько произведений цикла «Евразийская симфония», автор которого, пишущий под псевдонимом Хольм ван Зайчик, создал фантастическое культурное пространство — государство, объединившее Россию, Китай и Золотую Орду. Народы, основавшие в исторической реальности огромные империи, по замыслу автора, не воевали друг с другом, а мирно создавали этнический, религиозный и культурный симбиоз. Результатом стало яркое и необычное переплетение культурных явлений, которое часто бывает трудно допустить в реальной жизни. В городе Александрия Невская, одной из трех столиц государства Ордусь, где живет главный герой романов ученый законник Богдан Рухович Оуянцев-Сю, построены Александро-Невский собор, Храм Конфуция и Храм Света Будды. В цикле романов очень широко использованы сведения о китайской истории, философии, культуре и даже быте китайцев [8].

Все вышеприведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что влияние китайской культуры на современную русскую литературу является весьма многосторонним: оно затрагивает и основное содержание, и сюжет, и композицию, и образный ряд произведений. Получившее мощный импульс в 1990–2000-е гг. развитие русской литературы выразилось в поиске новых форм и пересмотре традиции. Обращение к китайской культуре, на первый взгляд необычной и непривычной для русского человека, содействует этому обновлению и дает возможность поиска путей примирения внутренних духовных потребностей и непреодолимых реальностей внешнего мира.

Литература

1. *Варжапетян В.* Путник со свечой : повести о Ли Бо, Омаре Хайяме, Франсуа Вийоне. М., 1987.
2. *Державин Г. Р.* Памятник герою // Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957.
3. *Искандер Ф. А.* Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. М., 1997.
4. *Ломоносов М. В.* Письмо о пользе стекла // Ломоносов М. В. Избр. произведения. М., 1986.
5. *Пелевин В.* Встроенный напоминатель : рассказы. М., 2002.
6. *Радишев А. Н.* Песня историческая // Радишев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 1. М. ; Л., 1938.
7. *Торопцев С. А.* Книга о Великой Белизне: Ли Бо в поэзии и жизни. М., 2002.
8. *Хольм ван Зайчик.* Евразийская симфония. СПб., 2005 («Дело лис-оборотней» и др.).